
Кархайм
Смерть,
это не избавление,
а пропуск
в утробу
Спящего
Божества.
1953
Истинный облик
Вселенной
Особняк дарил покой отчаявшимся,
но превратился в гниющую клетку.
Выхода нет. Каждый ярус — новый круг анатомического ада.
Единственная валюта — чужая боль.
Иллюзии спадают. Остаётся истинный лик Вселенной.
18+

Михаил Филатов

Истинный облик Вселенной

https://litres.ru/74724064
SelfPub; 2026

Аннотация

Смерть, это не избавление, а пропуск в утробу Спящего Божества.

1953 год. За фасадом великой Империи, рвущейся к звездам, скрывается правда, истинный ад находится не в преисподней, а в стенах бесконечного особняка. Когда-то он дарил покой, спасая отчаявшихся от гибели, но теперь его благодеяния стали гниющей клеткой. Госпожа, безумная хозяйка дома, слишком стара, чтобы следить за порядком, и особняк превратился в бездонный, пульсирующий лабиринт кошмаров.

Здесь нет выхода, есть только бесконечный спуск. Чтобы выжить в этом чреве, нужно забыть о человечности.

Обитатели особняка давно перестали быть людьми, превратившись в сшитых из пороков химер, воюющих за право не быть переваренными. Но истинный ужас ждет впереди.

На самых нижних уровнях, где стены состоят из обнажённых нервов, сгущается Великий Туман. Это не смерть, а окончательное обнажение реальности, когда иллюзии спадают, и ты остаёшься наедине с пульсирующей, сочащейся слизью истинного лика Вселенной.

Содержание

Глава 1. Начало 4
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Михаил Филатов
Истинный облик Вселенной

Глава 1. Начало

Слизь капала с потолка не переставая, она не была похожа на воду. Густая, багровая, тёплая, она оставляла на белом мраморе ванной комнаты следы, похожие на запёкшуюся кровь. Ольга, полковник ГРУ, командир спецгруппы «Девятка», эксперт по аномальным угрозам, стояла по щиколотку в этой дряни.

Шестнадцатое июня тысяча девятьсот пятьдесят третьего года. Москва. Джакузи в конспиративной квартире, она должна была умереть. Она помнила этот вкус, хлорка, и собственная рвотная масса, когда лёгкие отказались работать, а мир сузился до слепящего пятна. Сталин лично курировал «Девятку», и он не прощал провалов, даже если провал заключался в собственной смерти. Но вместо небытия был этот потолок. Лепнина в виде переплетённых ангельских крыльев, с которых осыпалась штукатурка.

Ольга выбралась из остывающей слизи. Её тело, идеальное оружие сорока шести лет от роду, сто восемьдесят пять сантиметров литых мышц, упругая грудь четвертого разме-

ра, на которой розовые ареолы вокруг аккуратных сосков сейчас сморщились от холода, дрожало не от страха. А от ледяного, аналитического бешенства.

Она была нага. Её чёрное боевое термобелье, способное остановить осколок, исчезло. На вешалке висел шёлковый халат. Тяжёлый, бордовый, пахнущий пылью и тленом, рядом стопка кружевного белья. Изящные, совершенно непрактичные вещи, которые носили викторианские леди перед тем, как их увозили в лечебницы для душевнобольных.

Ольга надела халат, в кармане нащупала инородный предмет. Это был блокнот, обложка из серой, пористой кожи, которая едва заметно пульсировала под пальцами. Страницы пожелтели от времени, но когда Ольга провела по ним ногтем, края среза начали сочиться той же багровой лимфой. Карандаш, лежавший в петле, был выточен из чьей-то фаланги. Суставный бугорок идеально ложился под большой палец.

Она попыталась бросить блокнот на пол, но тот отскочил от паркета и, вопреки законам физики, скользнул по гладким доскам обратно к её ноге, словно притянутый магнитом. Она попыталась засунуть его в камин, дрова в нём были сухими, но блокнот не занялся огнём, лишь нагрелся до температуры плавления свинца, обжигая ладонь. Ольга решила оставить решение на потом, и стала осматриваться, пытаясь понять

где она оказалась.

Особняк дышал, древнее дерево балок в коридоре сокращалось, как диафрагма. Вентиляционные решетки, из которых тянуло запахом гниющих лилий, работали как жабры.

Ольга вышла в коридор, бесконечный ужас простирался во все стороны. Лестницы уходили вверх во мрак, где не горел ни один факел, но откуда доносился звук передергиваемых затворов. Лестницы уходили вниз, в сырость, где из трещин в камне смотрели глаза. Не нарисованные. Живые, влажные, с пульсирующими красными сосудами. Они моргали вразнобой, и каждый раз, когда смыкалось веко, из трещины выкатывалась капля слизи.

Шёпот шел из самих стен.

- Она не выпьет… у нее слишком сильные легкие… Госпожа будет недовольна…

Ольга прижалась к стене, сливаясь с тенью, её разум следователя начал строить схему. Место, неизвестное. Еда, есть. На резном столике в главном зале она нашла серебряный поднос с паштетом из птицы, которой не существовало в природе, и бутылку вина. Еда не отравлена, условия сносные, даже роскошные.

Это была ловушка, построенная на комфорте.

Она начала исследовать дом. Залы сменялись анфиладами, библиотеки уходили в бесконечность. Книги в кожаных переплетах были написаны на языках, от которых слезились

глаза. Но чем глубже она заходила, тем понятнее становились символы. Это была не лингвистика, а нейрохирургия самой сути разумных.

Она нашла первое заклинание в ванной комнате на третьем ярусе, под ванной, где в переплетении труб билось что-то живое и размером с собаку. Символы были выжжены на эмали. Защита от проникновения в разум, Ольга опустилась на колени прямо в слизь. Фаланга-карандаш заскрипела по пульсирующей коже блокнота.

Слова вспыхнули в её мозгу не светом, а холодным, хирургическим пламенем, она чувствовала, как её череп становится стеклянным.

Позже, в библиотеке она встретила первого.

Он был одет в лохмотья советской офицерской шинели без знаков различия. Лицо землистое, заросшее седой щетиной. Он сидел в кресле и методично вырывал страницы из книги, чтобы съесть их.

- Блокнот, прохрипел он, поднимая глаза. В его зрачках не было белков, только сплошная черная радужка. - Дай.

Ольга не двинулась с места.

- У тебя нет. Я вижу.

Он бросился на неё. Для обычного человека он был быстр, для полковника «Девятки» он был улиткой. Ольга ушла с линии атаки плавным, текучим движением. Её тело, привык-

шее работать в невесомости на лунных базах и в тесных отсеках марсианских челноков, знало анатомию наизусть. Она не стала бить, просто заломила ему руку, заставив опуститься на колени, и приставила к его сонной артерии осколок мрамора.

- Механика, прошептала она ему на ухо. - Говори.

- Переписываешь… давился он кровью и мраморной крошкой. - Вырываешь лист, у оригинала, пустота. Заклинание работает только у одного, дубль это гниль. А гниль убивает.

Ольга отпустила его. Он рухнул на пол, скукоживаясь, она не стала его добивать. Особняк сделает это за неё. Ольга чувствовала, как древняя, безумная воля дома скользнула по коридору. Пол под офицером пошел рябью, и паркетные доски, словно зубы, втянули его внутрь, не пролив ни капли крови. Только запах крови и безумия стал гуще.

Ольга поняла суть, это было не домом, скорее пищеварительный тракт.

Она нашла второе заклинание в часовне, где вместо алтаря стоял гинекологический трон из почерневшей стали, а на стенах висели иконы, с которых на молящихся смотрели лица с выжженными глазницами. Заклинание усиления мышц.

Ольга переписала его. Лист в её блокноте покрылся вязью, похожей на кровеносную систему. Она вырвала его. В тот же

миг кости её ног и рук отозвались тупой, перестраивающей болью. Сухожилия натянулись, её физическая сила, и без того находившаяся на пике человеческих возможностей, скакнула в область невозможного. Она могла бы пробить кулаком танковую броню.

Второго она встретила на пересечении семи лестниц. Женщина в изорванном бальном платье, в её руках была заточка из сточенного позвонка.

- Блокнот, стерва.

Женщина метнула заточку, Ольга не уклонилась. Она поймала её в воздухе левой рукой. Кость пробила ладонь насквозь, выйдя с тыльной стороны, но Ольга даже не моргнула. Боль была просто ещё одной информацией в этом месте.

Она сократила дистанцию в два прыжка, удар ребром ладони по кадыку. Хруст. Женщина упала, хрипя и булькая кровью.

Ольга опустилась на колени, блокнот женщины был тощим, заляпанным. Заклинание «Разрыва». Умение заставлять плоть противников расходиться по швам, как гнилую ткань.

Ольга достала свою фалангу, и аккуратно, почти любовно переписала символы. Затем взяла блокнот женщины, нашла нужную страницу, вцепилась ногтями в край и вырвала лист. Женщина внизу перестала хрипеть, её глаза остекленели.

Ольга поднесла вырванный лист к своему блокноту. Как только она вложила его между страниц, символы на её соб-

ственном листе начали меркнуть, превращаясь в серый пепел. Заклинание действительно не терпит дублей, оригинал теперь лишь у неё.

Она слизнула с пальца каплю лимфы, на вкус, медь, кровь, безумие и абсолютная власть.

Ольга шла все глубже. Она больше не пряталась. Она убивала. Быстро, жестоко, анатомически выверенно. Она собирала заклинания: «Слепота Хаоса», «Голос, сшивающий сухожилия», «Кожа, отражающая взгляд». Её блокнот раздувался, его обложка пульсировала в такт с сердцебиением самого дома.

Она нашла библиотеку, где книги были сшиты из человеческой кожи, а чернила заменяла желчь. Там, в кресле из человеческих черепов, сидел старик. Его глаза были зашиты его же собственными волосами.

- Ты пахнешь сталью и Москвой, сказал он, не открывая глаз. - Полковник. Пятьдесят третий. Иосиф доволен. Он думает, что ты вернешься с отчетом.

- Где мы? голос Ольги не дрогнул.

- В утробе, проскрипел старик. - Она подобрала тебя из воды, она жалеет, но её манера жалости хуже гибели. Она, Госпожа. Старая, безумная сука, которая собирает брошенных щенков. Но она трескается. И гниёт вместе с домом.

- Что за туман?

- Апокалипсис. Когда её разум окончательно утонет в маразме, туман выплеснется из трещин. Он не убивает, снимает кожу с реальности.

Старик улыбнулся зашитым ртом.

- Ты собираешь слова, чтобы стать хозяйкой. Но ты лишь новый ошейник, и Она смотрит на тебя.

Ольга обернулась. В углу зала, там, где сходились тени, воздух сгустился. Он не имел формы, но имел намерение. Безмерная, древняя усталость и извращённая, собственническая нежность. Ольга почувствовала, как ледяная корка её характера, наросшая за годы пыток в подвалах Лубянки и допросов на лунных базах, даёт трещину. Это было хуже чем страх. Это было омерзительное чувство безопасности. Как в детстве, когда тебя прижимает к себе пьяный, воняющий перегаром отец, и ты знаешь, что он не даст тебя в обиду, но его руки оставляют синяки.

Ольга склонила голову в подобии поклона, не из уважения. Из необходимости, она вышла из библиотеки. Её блокнот теперь весил как череп. Ольга чувствовала мощь, текущую по венам, она становилась хищником на вершине пищевой цепи этого гниющего Эдема.

Ольга спустилась на ярус, где из стен росли зубы. Там, в бассейне, наполненном не слизью, а безумием, она увидела своё отражение.

Её чёрные волосы с багровыми прядями слиплись от кро-

ви. Серые глаза стали абсолютно пустыми. Идеальная фигура не дрогнула, когда она начала методично сдирать с себя шёлковый халат.

Она вошла в бассейн, вода была ледяной.

Ольга закрыла глаза, и начала погружаться, не дышала, позволила воде заполнить легкие. Боль от перерождения схлопнулась в точку.

Она не хотела возвращаться к Сталину. Там была клетка из идеологии и паранойи, здесь же была клетка из вечности и абсолютной, ничем не ограниченной жестокости.

Она была дома.

Где-то наверху, под сводами бесконечного потолка, что-то огромное, старое и слепое тяжело вздохнуло. Лепнина в виде ангельских крыльев осыпалась вниз дождем из фаланг, и каждая кость при падении издавала звук, похожий на написанное на латыни имя.

Туман на периферии дома, там, где заканчивались лестницы и начиналась пустота, шевельнулся. Он был ещё далеко, но он уже чувствовал вкус нового, самого сильного и самого безжалостного питомца Госпожи. И туман проголодался.

Спустя несколько часов, а может быть дней, вода в джакузи больше не была ледяной. Она стала частью Ольги.

Полковник ГРУ, командир «Девятки», эксперт по аномалиям, должна была захлебнуться в собственной ванной в

Москве пятьдесят третьего. Вместо этого она тонула в дистиллированном безумии древнего божества. Лёгкие приняли жидкость без спазма. Боль от перерождения, которая должна была выжечь нервную систему, схлопнулась. Нейроны Ольги не сгорели, они перестроились. Синапсы спаялись заново, отсекая всё лишнее - страх, жалость, привязанность к Сталину, тоску по Земле.

Она открыла глаза.

Отражение в чёрной, маслянистой воде смотрело на неё без всякого выражения. Лицо осталось прежним, высокие скулы, идеальная линия челюсти, чёрные волосы с багровыми прядями, прилипшие к бледной коже. Но глаза изменились. Радужка полностью растворилась, поглощённая зрачком. Теперь это были два абсолютно чёрных, матовых омута, лишенных белков, бликов и глубины. В них не отражался роскошный готический зал. В них не было ничего. Это были глаза существа, для которого понятие «человек» стало просто биологическим термином, таким же, как «инфузория» или «хондрит».

Ольга поднялась из воды.

Шёлковый халат, брошенный на мрамор, истлел, коснувшись её кожи, рассыпавшись в прах. Она не обратила на это внимания. Вода стекала с ее идеального, совершенного тела, сто восемьдесят пять сантиметров упругих мышц, высокая

грудь четвертого размера с аккуратными розовыми ареолами, но это была уже не человеческая вода. С каждой каплей, падавшей на пол, паркет под ней начинал едва заметно гнить, источая запах кошмара и сухих начавших преть осенних листьев.

Она не дрожала, температура ее тела выровнялась с температурой дома. Она стала изотермической, идеальной машиной для выживания.

Ольга вышла из бассейна. Её ступни не оставляли следов на слизи, покрывавшей пол. Она больше не была питомцем, которого Госпожа подобрала из жалости. Жалость, это дефект архитектуры. Ольга собиралась стать архитектурным излишеством, которое обрушит само здание и суть этого места.

Она вернулась в библиотеку, где книги были сшиты из лиц.

Старик в кресле из черепов всё так же сидел с зашитыми волосами глазами. Он не повернул головы. Он чувствовал её присутствие всей гнилью своего естества.

- Ты приняла дар, проскрипел он. Его голос теперь казался Ольге жалким писком насекомого. - Ты стала Его частью. Теперь ты будешь ждать Тумана, как все мы.

Ольга подошла к стеллажу, сняла фолиант, переплёт ко-

торого пульсировал, имитируя дыхание, но она не стала открывать его. Её черный, перестроенный разум уже считывал структуру заклинаний сквозь дубленую кожу обложки.

Она начала анализировать.

Земные мифы, которые вбивали в «Девятку» на курсах ксенокультурологии, оказались детскими сказками.

Шумеры называли это Абзу, первичной бездной. Ошибка. Абзу, это просто отстойник для отходов жизнедеятельности этого дома.

Египтяне поклонялись Нуну. Ошибка. Нун, это слюна Госпожи.

Лавкрафт писал о Древних, спящих в Р'лайхе. Он был ближе всех, но он был антропоморфистом. Он наделил Космос человеческим безумием.

Ольга сделала свой вывод, холодно и отстраненно листая страницы, залитые желчью.

Особняк это не бог. Боги требуют веры. Особняк это престарелая, страдающая недержанием, впавшая в сенильный маразм аристократка. Она собрала их не из любви, собрала их, потому что живые люди это лучший наполнитель для гниющего матраса. Их страх, боль, вырванные страницы блокнотов, это тепло, которое греет её старые кости. Она Госпожа-Паразит. А они не питомцы. Они гной в её пролежнях.

И раз она паразит, у неё есть уязвимости, и главная из них это рутина, Ольга закрыла фолиант, звук захлопнувшейся книги прозвучал как выстрел.

Старик в кресле из черепов дернулся.

- Ты смотришь на меня, прошептал он. - Но я ничего не вижу.

- Ты видишь достаточно, голос Ольги звучал равнодушно, металл, лишённый эха. - Ты сдался,позволил дому переваривать тебя заживо, сидя в трофеях из чужих голов, решил, что быть жертвой, это покой.

- Это единственный покой, который здесь есть, старик попытался вжаться в кресло, но черепа под ним начали крошиться в костную муку.

Ольга подошла вплотную, не стала доставать оружие. Её пальцы сами по себе стали оружием. Она схватила старика за лицо. Её ладони были холодными, как вакуум. Она не давила, просто присутствовала. Чёрные бездны её глаз оказались в сантиметрах от зашитого лица старика.

- Ты ошибся, сказала Ольга. - Покой нужно заслужить.

Её пальцы надавили, и это не было простым и привычным физическим давлением, скорее было давлением реальности. Старик закричал, но из его зашитого рта вырвался только влажный хрип. Кожа на его черепе начала натягиваться, словно кто-то изнутри пытался раздвинуть швы.

Ольга не вырывала страницы в драке, действовала хирургически. Её левая рука легла старику на грудь, прямо на гниющие лохмотья шинели. Она потянула, не ткань. Суть.

Блокнот старика, тощий и серый, материализовался в воздухе из ниоткуда и упал в её правую руку. Обложка была покрыта старческой перхотью.

Ольга открыла его, там было всего три заклинания. Одно «Слух костей» (способность слышать, как растет плесень в стенах). Второе «Увядание» (способность за час состарить человека до состояния мумии). Третье «Слепая преданность» (способность заставить жертву любить своего палача).

Жалкий набор, инструменты жертвы.

- Раз ты сдался, произнесла Ольга, глядя в чёрные провалы на месте глаз старика.

- Я подарю тебе покой. Настоящий.

Она не стала использовать «Увядание», это было бы слишком милосердно и растянуто, Ольга использовала свою новую природу.

Заглянула в его разум, там не было сопротивления, а только бесконечная, серая, липкая усталость Госпожи. Ольга вытащила из этой усталости одну-единственную нить, первобытный ужас новорождённого, который осознает, что его оставили одного в темноте.

Она вплела эту нить в старика.

Его тело не выдержало контраста. Человек, который десятилетиями гнил в умиротворении, не может выдержать ужас младенца. Черепа в кресле взорвались фонтаном костной крошки. Грудная клетка старика вывернулась наизнанку, обнажив сплетение артерий, которые бились в агонии, выплескивая не кровь, а густую, чёрную типографскую краску.

Он умер за долю секунды. Его лицо застыло в маске чистого, незамутненного детского кошмара.

Ольга вытерла руку о его же истлевший халат.

Она взяла свой фалангово-костяной карандаш. Она переписала «Слепую преданность» и «Слух костей» в свой блокнот. Страницы её тетради жадно впитали символы, переваривая их и делая частью ее собственного, теперь уже бесконечного гримуара. Лист со «Слепой преданностью» в блокноте старика она вырвала одним резким движением и скомкала.

- Ты хотел покоя, сказала она мертвецу, чье тело теперь напоминало лопнувший мешок с требухой. - Ты его получил. Теперь ты просто строительный материал для кресла следующей жертвы.

Она бросила вырванный лист в лужу черной краски под

креслом. Бумага зашипела и растворилась, Ольга вышла из библиотеки. В её чёрных глазах впервые за всё время пребывания здесь промелькнуло нечто, похожее на удовлетворение.

Она больше не собиралась ждать Тумана.

Она собиралась вскрыть брюхо спящей Госпожи и выяснить, что заставляет ее дышать. А для этого ей нужно было спуститься еще ниже. Туда, где из трещин в полу росли не глаза, а настоящие, пульсирующие желудки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.